

В памяти Вэня Ецай почти не было случаев, когда дома готовили свиные ножки. Смутно вспоминалось, как в детстве Цяо Мэй как-то купила парочку — сожгли кучу дров, а толку никакого: полдня выскребывали щетину, а как дошло до еды, так во рту всё равно кололось. С тех пор Вэнь Ецай решил для себя, что свиные ножки — вещь никуда не годная.

Юй Шанчжи, слыша это, только с мягкой улыбкой ответил:

— «Что ешь — то и восполняешь» — это ведь всего лишь поговорка. Если тебе не по вкусу — и не надо.

Он и сам, признаться, упомянул вскользь, вовсе не настаивая, решив, что Вэнь Ецай, как и многие, просто не жалуется такие части туши. Но Вэнь Ецай, услышав это, только утвердился в мысли: раз Юй Шанчжи сам заговорил, значит, хочет. А уж если ещё и для красоты полезно — в самую точку, как раз по его тайной слабости.

— Дядь, заверните нам пару ножек, — решительно сказал он.

Стоили они сушие пустяки, даже если взять самые крупные. А косточки потом можно было отдать Давану и Эрвану — тоже не зря куплено.

Мясник Цзян, стоявший поблизости, давно уже впитывал каждое слово. Он сколько лет свиной режет, а вот чтобы ножки ели, да ещё и для красоты — первый раз слышал! А если всем покупателям так говорить, неужели ещё останутся непроданные?

Потому глядел он теперь на Юй Шанчжи чуть ли не с благоговением:

— Молодой человек, откуда вы знаете, что свиные ножки полезны для красоты?

Юй Шанчжи скромно ответил:

— Так я ведь всего лишь врач.

Мясник Цзян внутренне аж поёжился — сейчас, что, уже и врачи такие молодые бывают?

Но врач — дело редкое и уважаемое, так что он только с уважением кивнул:

— А-а, понятно, понятно. Не зря, значит. Мы-то, простые люди, только и знали, что свиные почки для мужчин полезны. А тут, выходит, и ножки — самое то для геров да девушек.

Сказав это, он бросил взгляд на оставшуюся пару ножек и тут же решил:

— Эту пару я больше не буду продавать, заберу домой, попрошу своего фулана сварить.

Заодно он не забыл напомнить Юй Шанчжи и Вэнь Ецаю:

— Щетина у этих ножек жёсткая, трудно её счистить. Лучше обжечь на огне — она сгорит в пепел, и тогда можно будет просто соскрести.

Юй Шанчжи, видя, что этот мясник — человек честный и открытый, да к тому же ещё и приветливый, вспомнил, как по дороге сюда Вэнь Ецай рассказывал, что мясник Цзян славится своим умением: ни грамма не обвесит, не обсчитает. Потому он, воспользовавшись случаем, решил немного подробнее объяснить про свиные внутренности:

— Раньше мой фулан упомянул: «что ешь — то и восполняешь» — в целом это верно, можно так и запомнить. К примеру, мозги свиные полезны для почек и мозга, могут помочь при головокружении и забывчивости. Лёгкие — укрепляют лёгкие, снимают сухость, хороши при хроническом кашле. Сердце — успокаивает и помогает при тревожности, бессоннице. Желудок — укрепляет селезёнку, лечит истощение и слабый аппетит. Кишки, по натуре холодные и сладковатые на вкус, хорошо увлажняют кишечник и лечат от сухости, выводят жар из нижней части тела.

Выслушав Юй Шанчжи, мясник Цзян посмотрел на своё мясо совершенно иными глазами, особенно на те части, что раньше никто не хотел брать. Теперь он и сомнений в словах Юй Шанчжи не испытывал.

— Кто бы мог подумать! — выдохнул он. — Так выходит, всё, что раньше оставалось, — это и были настоящие сокровища.

Едва он договорил, как заметил, что у его прилавка уже собралось добрых полдюжины человек — все, похоже, слышали объяснение Юй Шанчжи и теперь с интересом смотрели на кучку свиных потрохов. Так и вышло, что свиные внутренности, на которые прежде никто и взгляда не бросал, которые приходилось чуть ли не даром отдавать, вдруг стали настоящим лакомым куском.

— Эй, дядюшка Цзян, я возьму те свиные лёгкие!

— Брат Цзян, отложи мне то желудка, я сейчас взвешу.

— Мальчик Цзян, сердце мне оставь! Старик мой в последнее время всё жалуется, что в груди тяжело.

— Никому кишки не нужны? Тогда я заберу, дома с перцем пожарю — закуска что надо!

Не прошло и четверти часа, как доска, на которой лежали свиные потроха, опустела дочи́ста.

Остались лишь те самые свиные ножки, которые мясник Цзян решил унести домой, да пара почек, отложенных для родного брата.

Причём многие, взяв потроха, заодно прикупили и немного мяса — в итоге мясник Цзян столько денег за раз давно не держал. Руки у него устали от счёта, и когда он вновь взглянул на Юй Шанчжи, в глазах у него уже был совершенно иной блеск — уважительный, почти почтительный.

— Младший брат, как тебя звать-то?

Узнав имя, он тут же, улыбаясь, завернул свиные ножки в промасленную бумагу:

— Юй-ланчжун, за эти ножки денег не надо, вам в подарок. А потом, если что понадобится, приходите — для вас у меня всегда самая честная цена.

Мясник Цзян уже предвкушал: дальше только так и будет — зарежет свинью, и потроха первыми разойдутся.

Так вышло, что этот молодой лекарь, как бы невзначай, помог Цзяну решить давнюю головную боль — свиные потроха, прежде никому не нужные, теперь расхватывали на ура. Отдать за это всего лишь пару свиных ножек — никакой особой потери.

Когда они отошли подальше, Вэнь Ецай всё не мог удержаться — то и дело поглядывал на корзину с мясом, улыбка так и не сходила с его лица. Теперь он уже совсем не гнушался свиными ножками — вещь, выходит, стоящая, раз все наперебой просили.

— Я уж столько раз тут бывал, а это в первый раз, чтоб мне что-то просто так отдали. Глядишь, и впрямь теперь мясо покупать дешевле станет.

Хотя Вэнь Ецай и сам мог пойти в горы поохотиться, но дикого зверя ведь каждый день не поешь — его лучше оставить на продажу. Так что домашнее мясо он покупал нередко.

— Если дома ещё осталась жёлтая соя, можно добавить немного тёмного соевого соуса — тушёные ножки пустят желеобразный сок, вот ради этого их и едят, — сказал Юй Шанчжи.

Вэнь Ецай сглотнул слюну:

— Ты уж как рассказываешь — у меня слюнки текут. Домой приду, сразу костёр разведу и начну эти копыта обжигать.

Дела в деревне Шуймо они уладили — закупились, заказ забрали, даже мясо прихватили. Теперь в хорошем настроении они вдвоём вели телегу в сторону выхода из деревни, смеясь и

болтая всю дорогу.

Кто бы мог подумать - по дороге они вдруг повстречали знакомого, выходящего из одного из домов. И оказался им никто иной, как тот самый У-ланчжун, что некогда пытался всучить фальшивый женьшень. Вэнь Ецай нарочно захотел его припугнуть: погнал быка прямо мимо, а потом с треском щёлкнул кнутом в воздухе. Сразу раздался резкий хлопок — У-ланчжун тут же подпрыгнул на месте от испуга.

Он уж было хотел открыть рот, чтобы выругаться, но, узнав Вэнь Ецай, разом проглотил весь свой гнев. Он завертел головой, соображая, как бы ускользнуть, но в этот момент поднял глаза — и встретился взглядом с Юй Шанчжи.

— Ты... ты не умер? — произнёс он с дрожью в голосе, вытянув палец и уставившись на Юй Шанчжи так, будто привидение увидел.

Юй Шанчжи приподнял бровь, а Вэнь Ецай уже шагнул вперёд с кнутом в руке и резко рявкнул:

— Ты, старый прохвост, опять за своё? Что несёшь?!

Но У-ланчжун, будто не слыша, продолжал в изумлении разглядывать Юй Шанчжи, бормоча:

— С таким пульсом и выжил... это уж поистине из ряда вон...

На эти слова Юй Шанчжи не стал ничего отвечать — ведь и впрямь, прежний владелец тела умер тогда, а он лишь воспользовался возможностью и пришёл на его место.

Пульс у человека при смерти — вещь, которую способен определить любой хоть сколько-нибудь толковый лекарь. А вот мерзость У-ланчжуна заключалась вовсе не в невежестве, а в его трусости и алчности. С таким старым прощельгой им было не о чем говорить. Впредь — каждому идти своей дорогой, и лучше бы больше никогда не встречаться.

Когда же У-ланчжун, сверкая пятками, умчался, Вэнь Ецай обернулся и глянул на тот дом, откуда тот вышел. Дом был добротный: крыша покрыта тёмной черепицей, стены — аккуратный кирпич.

— Если я не ошибаюсь, — сказал он, — когда я раньше бывал тут за покупками, вроде бы слышал, что это дом семьи Тан.

Интересно, кто у них такой невезучий, что угодил в руки этого проходимца? У семьи Тан, как никак, средства водятся, наверняка он хорошо их обобрал.

Вернувшись домой, Вэнь Ецай сразу же принялся за готовку — стал разделывать купленные свиные ножки. С тех пор как Юй Шанчжи прозрел, Вэнь Ецай понял, что этот человек, что касается кухни, — чистейшей воды «теоретик»: говорить о еде, о рецептах он может бесконечно, причём весьма складно. Но вот стоит только вручить ему поварёшку — и он с трудом может разве что разжечь огонь, разогреть еду да на пару простых блюд приготовить.

Так что Вэнь Ецай сам взялся размышлять, как лучше приготовить тушёные свиные ножки с соевыми бобами. И вот, когда он сидел во дворе, будто на битву собираясь, и жёг щетину с купленных ножек, вдруг снова пришли просить о врачебной помощи. Кто бы мог подумать — это была Кон Майя, дочь парализованного Кона.

Она достала из ветхого, залатанного денежного мешочка пятнадцать медных монет — каждая из которых будто впитала тепло её ладони, словно прежде её долго и крепко сжимали.

— Юй-ланчжун, — проговорила она, — это за приём. Прошу, сходите взгляните на моего отца.

Вэнь Ецай уже отложил свиные ножки и вышел во двор посмотреть, а услышав это, тотчас напрягся.

— Майя, с твоим отцом что-то случилось?

— Он уже два дня ничего не ест... боюсь, он... он, наверное, не жилец.

Девочка подняла голову, глаза её были полны безысходного горя.

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай не осмелились тянуть ни секунды, сломя голову бросились вслед за ней к дому семьи Кон. Но ещё до того, как вошли, их уже встретил резкий, тяжёлый запах. Помимо этого неизбежного зловония бедный дворик и саманный дом были убраны как следует — чисто и аккуратно.

У самого входа Кон Майя указала на тёмную, чёрную от времени дверь.

— Мой отец... внутри, — тихо сказала Кон Майя.

Юй Шанчжи мельком глянул в темноту за дверью и сразу же обернулся к Вэнь Ецаю:

— А-Е, побудь с Майя во дворе, я сам зайду.

Хотя он и не знал, что задумал Шанчжи, Вэнь Ецай кивнул и мягко приобнял худенькие плечи Кон Майя:

— Майя, слушай дядю Юя, давай подождём здесь, во дворе.

Девочка и дальше молчала, глаза её всё так же блестели от слёз, но она всё же кивнула, послушно оставаясь снаружи. Других путей у неё уже не было — Юй Шанчжи был её последней надеждой. А эти пятнадцать медных монет... были всем, что у неё оставалось.

Вэнь Ецай тяжело вздохнул и окинул взглядом дворик. У него невольно сжалось в груди: как такой маленькой девочке удаётся держать на плечах весь дом?

В это время Юй Шанчжи уже вошёл внутрь и подошёл к постели. На кровати лежал мужчина, иссохший до неузнаваемости, будто вся плоть давно истаяла, и осталась лишь тусклая оболочка. Одеядло, которым он был накрыт, утратило свой первоначальный цвет и источало тяжёлый, мутный запах, от которого было трудно дышать.

Но Юй Шанчжи, казалось, вовсе не замечал этого. Он подтащил к кровати табурет с кривой ножкой и с трудом на нём уселся. Он достал подушечку для пульса и протянул руку, чтобы взять мужчину за запястье. Тот, почувствовав прикосновение, медленно открыл глаза и чуть повёл зрачками.

— Ты... кто?..

Будучи уже парализованным больным, не притрагивавшимся к пище и воде два дня, он выглядел словно тень, лицо его было совершенно безжизненным.

Юй Шанчжи сразу понял: если бы он опоздал хоть чуть-чуть, уже ничто не помогло бы.

— Меня зовут Юй Шанчжи. Я — муж Цай-гера из семьи Вэнь, деревенский врач, — просто представился он, взглянув на Кон И и, не обращая внимания на его отчуждённый взгляд, всё же коснулся пальцами внутренней стороны его запястья. Спустя недолгое время он уже знал, в чём дело.

Глаза его чуть блеснули, он убрал руку.

— Твоя дочь, Майя, принесла все оставшиеся в доме деньги и попросила меня прийти — говорит, ты уже два дня не ешь и, похоже, серьёзно заболел.

Он договорил и увидел, как Кон И отвернулся, уставившись в потолочную балку. В его глазах зияла пустота — света в них уже давно не было.

Юй Шанчжи медленно закрыл глаза, затем снова открыл и внезапно громко назвал его по имени:

— Кон И! Я ведь я знаю: ты не потому не ешь, что болен. Ты намеренно отказываешься от пищи. Ты хочешь умереть, так ли?

Мужчина, чьё тело давно было изнурено параличом, лежал на кровати, почти не напоминая человека. Его иссохшее лицо дрогнуло, он натянул на губах гримасу, более похожую на мучительный плач, чем на улыбку.

Тяжёлый вздох растворился в тёмной, глухой комнате, не выдавшей дневного света.

— Верно, Юй-ланчжун, — тихо ответил он. — Мне... надоела эта жизнь.

Юй Шанчжи повидал немало разных больных: были такие, кто до последнего цеплялся за жизнь, не щадя сил и денег, изнурённые болезнью, но всё же изо всех сил ища хоть крошечную надежду. А были и те, кто слишком часто разочаровывался, кто давно принял свою смерть и предпочёл бы уйти поскорее, чтобы не страдать дальше.

Кон И явно принадлежал к тем, кто испил горечь до дна. Паралич почти не поддаётся лечению, даже если есть богатство. А здесь, в бедной деревне, где в доме едва удаётся наскрести на еду... Поставив себя на его место, Юй Шанчжи мог понять его отчаяние.

— Я знаю, ты считаешь, что жить вот так — значит существовать без капли достоинства, и каждый прожитый день — мука. Но ты подумал, что будет с Майя, если ты уйдёшь?

В глазах Юй Шанчжи вновь всплыл взгляд, которым Кон Майя смотрела на него — будто бы она тоже догадывалась о настоящей причине отказа Кон И от еды, но просто не хотела в это верить.

Кон И моргнул. Он не пил уже два дня, и слёз у него, казалось, больше не осталось.

— Все меня уговаривают... Но почему никто не может понять: только если я уйду, Майя будет легче.

Он говорил с трудом, тяжело дыша, произнося каждое слово будто из последних сил:

— С таким калекой, как я, живым отцом, она каждый день прикована к этому дому. Едва удастся выменять немного зерна или медяков — и всё тут же уходит на мои лекарства.

Кон И медленно повернул иссохший взгляд к Юй Шанчжи, прямо и без уклонов.

— Раньше она была нашим с её маленьким отцом сокровищем... А теперь? Носит мои старые, поношенные одежды, за целый год не пробует ни крошки мяса, ещё и должна за мной ухаживать, убирать мои испражнения.

Он замолчал, лишь сипло выдыхая: «Хо-хо...» — и только спустя какое-то время выдавил:

— Юй-ланчжун, я знаю вас. В прошлый раз Майя продала вам пучок полыни, вы дали ей две монеты. Она обменяла их у соседей на яйцо. Она сказала, что вы с Цай-гером добрые люди.

После этих слов он почти перешёл на умоляющий тон:

— Юй-ланчжун, прошу вас, дайте мне уйти. Если я умру, и родня, и сельчане, глядишь, из жалости к тому, что у нас хоть пара покосившихся хижин осталась, не дадут Майя с голоду помереть. А когда она подрастёт, найдут ей семью... Это куда лучше, чем быть вечно привязанной ко мне.

В сердце Юй Шанчжи всё смешалось — жалость, горечь, тревога. Через мгновение он достал из-за пазухи мешочек с деньгами, отсчитал пятнадцать медяков и сунул их под подушку Кон И.

— Это те самые пятнадцать вэнь, которые Майя отдала мне за приём. Я возвращаю их.

В глазах Кон И на миг вспыхнула надежда — он решил, что Юй Шанчжи отказывается от денег, а значит, собирается выполнить его последнюю волю.

Однако в следующую секунду Юй Шанчжи произнёс:

— Я не беру деньги не потому, что отказываюсь лечить. Просто в тот раз, когда Майя приходила в наш дом продавать полынь, я уже слышал от А-Е о вашем положении. Он жалел Майя — потому что видел в ней себя. Ему даже хуже, чем ей: у неё хотя бы остался живой отец, а мои тесть с тётцей давно покоятся в земле.

Кон И чуть заметно дрогнул. А Юй Шанчжи продолжил:

— Уже тогда я подумал: если будет возможность — помогу. Посмотрю, смогу ли чем-то быть полезен, хоть что-то для вас сделать.

Кон И покачал головой:

— Юй-ланчжун, вы добр человек... Но я уже в таком состоянии, что ждать нечего. Разве что если сам Великий Небесный Бессмертный снизойдёт ко мне...

Юй Шанчжи опустил взгляд:

— Я, конечно, не какой-нибудь Великий Бессмертный, всего лишь обычный лекарь. Но, исследовав твой пульс, я понял — если бы ты сам не решил умирать и не изводил себя эти два

дня, твоё состояние было бы куда лучше, чем ты думаешь.

Он перевёл взгляд на руки Кон И, шагнул вперёд, обхватил их и спросил:

— Сколькими пальцами ты можешь шевелить? Покажи мне, насколько ты ими владеешь.

Кон И понял, что Юй Шанчжи твёрдо намерен лечить его, и у него уже не было сил спорить. В конце концов, если он продолжит отказываться от еды, смерть всё равно рано или поздно придёт.

Он послушно пошевелил пальцами. Юй Шанчжи пощупал ещё несколько участков его тела и снова сел на место.

— Кон И, если я скажу, что могу восстановить подвижность твоих рук почти до прежнего уровня, ты согласишься продолжить жить?

В глазах Кон И что-то промелькнуло, но он не ответил. Юй Шанчжи уловил это и продолжил:

— Я знаю, ты хочешь сказать: «А что толку от одних только рук?» Но рук достаточно для многого. Ты сможешь сам есть, сможешь облакачиваться на что-то и передвигаться. А если постараться, сможешь плести соломенные сандалии или корзины — тем самым зарабатывать хоть что-то.

Он упомянул именно такие занятия потому, что плетение обуви и корзин — это то, что умеет почти каждый мужчина в деревне. В прежние времена в каждой семье, если выпадала свободная минутка, брались за такое ремесло — немного сделали, оставили для дома, если получилось побольше — несли в город или на рынок, продавали.

Кон И на этот раз больше не спорил, даже не взглянул на себя. Но Юй Шанчжи почувствовал: в душе того зашевелилось сомнение, зерно надежды.

Прошло ещё довольно много времени, прежде чем Кон И, вынырнув из долгого молчания, наконец заговорил:

— Юй-ланчжун, вы правда так считаете? Что мои руки действительно смогут восстановиться до такой степени, чтобы поднимать тело, держать чашку с ложкой, а то и плести вещи?

Ведь сейчас, хотя пальцы у него и двигались, но мягкие, как лапша, никакой силы — даже травинку не удержит.

Юй Шанчжи твёрдо ответил:

— Я никогда не бросаюсь громкими словами. Что могу — скажу, что не могу — тоже скажу. Давать больному беспочвенную надежду — для врача это самый страшный проступок.

Слабые пальцы Кон И затрепетали, рот приоткрылся, словно он беззвучно кричал сквозь слёзы. Юй Шанчжи молча ждал рядом. Всё, что нужно было сказать, он уже сказал. Но жить или не жить — решение должен принять сам Кон И.

К счастью, в этом мире у него всё же осталась привязь по имени Кон Майя, и в конце концов Кон И произнёс:

— Юй-ланчжун, за вашу милость и доброту — при жизни я, Кон И, отплатить, боюсь, не смогу. В следующей жизни стану вашей коровой и лошадью, лишь бы отдать долг.

Юй Шанчжи почувствовал твёрдую уверенность в сердце — Кон И всё понял. Пусть лишь на время, но если человек сумеет вырваться из желания умереть, а перед ним появится дорога с надеждой — тогда всегда найдётся путь, чтобы потихоньку выбраться к свету.

Он похлопал Кон И по руке:

— Живи. Пока ты жив, Майя не одна. Даже когда в будущем она выйдет замуж, у неё всё равно будет отец, который всегда ждёт её дома.

Лечение — процесс долгий, нельзя всё сразу. Сейчас самое важное — заставить Кон И хоть что-то поесть. Юй Шанчжи не стал брать с собой ящик с лекарствами, вышел один. В хижине было слишком темно, и когда он оказался на свету, ему пришлось прищуриться от резкого солнца.

Увидев, что он вышел, Вэнь Ецай с Кон Майя сразу подбежали к нему. Юй Шанчжи потрепал девочку по голове, кивком показал в сторону комнаты:

— Твой отец звал тебя. Не бойся, теперь всё в порядке.

Кон Майя яростно закивала, торопливо выдохнула: «Спасибо, Юй-ланчжун», — и, утирая слёзы, бросилась в дом. В следующий же миг изнутри донёсся сдерживаемый, но всё равно громкий плач — отец и дочь, наконец, вместе дали волю чувствам.

Вэнь Ецай с минуту молчал, нахмурившись, затем поспешно схватил Юй Шанчжи за руку:

— Что всё-таки случилось?

Юй Шанчжи, взяв его за руку, увёл чуть подальше, понизив голос, подробно поведал обо всём, что произошло.

Вэнь Ецай слушал, и выражение его лица не раз менялось, пока, наконец, он не выдохнул с облегчением:

— Слава Небу, слава... Этот Паралитик... — дойдя до середины фразы, он сам осёкся, поняв, что такое прозвище теперь уже совсем неуместно, и быстро поправился: — Этот Кон И... Как он только мог подумать бросить Майя одну! Пока он жив — неважно в каком он состоянии — он остаётся её отцом!

Юй Шанчжи едва заметно кивнул:

— Я и сам сказал ему об этом. И добавил, что если всё пойдёт так, как я предсказал, и сила в руках начнёт понемногу возвращаться — у него появится надежда. Тогда, глядишь, и не станет больше вешать голову.

Раз уж взялись помогать, то довести дело до конца. В доме Кон даже зёрнышка риса не осталось — Вэнь Ецай вернулся домой и отмерил шэн риса, которого им с дочерью должно хватить на несколько дней. Они с Юй Шанчжи воспользовались печкой в доме Кон, разожгли огонь и сварили жидкую рисовую кашу. Верхний слой — рисовый отвар — аккуратно отлили в маленькую чашку, остудили и дали Майя, чтобы та покапельно покормила отца.

Остатки каши и пару принесённых из дому маньгоу Вэнь Ецай разогрел и оставил в котле — позже Майя сможет подогреть и поесть.

Девочка вышла во двор с пустой чашкой, набрала ещё воды — скорее всего, собралась обтереть отца. Лишь закончив всё, Кон Майя осторожно подошла к Юй Шанчжи и, прежде чем кто-либо успел отреагировать, с глухим стуком опустилась перед ним на колени.

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай в испуге тут же отскочили, один слева, другой справа, поспешно подняв девочку с земли.

— Майя, ты что это творишь?!

Юй Шанчжи терпеть не мог, когда люди без причины становились на колени, и невольно пожурил её.

Кон Майя смахнула с лица слёзы, и, нахмурившись, серьёзно сказала:

— Юй-ланчжун, отец мне всё рассказал. Вы сказали, что можете его вылечить, вернуть подвижность рукам. Но у нас в доме ни на лечение, ни на лекарства денег нет. Я могу пока задолжать. Вы только запишите всё — каждую трату. Я буду понемногу возвращать, всё до последней монеты. Мы даже можем пойти к деревенскому старосте и подписать долговую расписку — тогда вам не придётся бояться, что мы не расплатимся.

Неожиданно девчонка оказалась весьма рассудительной — даже о расписке упомянула.

Юй Шанчжи обменялся взглядом с Вэнь Ецаем. Тот, как более близкий к Кон Майя, поспешил сказать:

— Майя, сейчас не об этом. Давай сперва подлечим отца, а там уж и поговорим.

Но Кон Майя решительно покачала головой:

— Дядюшка Вэнь, вы и Юй-ланчжун — хорошие люди. А раз хорошие, тем больше мы не имеем права вами пользоваться. Мы пойдём и подпишем расписку, иначе отец просто не согласится лечиться.

Раз уж дошло до таких слов, Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем уже не знали, как отказать.

Так они втроем и отправились к дому Сюй Байфу, объяснив ему цель визита.

Сюй Байфу поначалу даже не понял, о чём речь, и лишь спустя мгновение, оглядев троицу, сказал:

— Ты хочешь сказать, Юй-ланчжун, что у тебя есть способ вылечить отца Кон Майя?

Юй Шанчжи покачал головой:

— Полностью вылечить — нет, конечно. Но можно значительно облегчить состояние. Если руки снова смогут двигаться, он уже сможет подрабатывать, помогать по хозяйству, и Майя будет не так тяжело.

Они сознательно умолчали о том, что Кон И хотел свести счёты с жизнью. Сюй Байфу, выслушав, лишь закивал:

— Верно, верно, человеку главное — разум да пара рабочих рук!

С этими словами он поспешно разложил бумагу и кисть и по словам Кон Майя составил долговую расписку. При нём Юй Шанчжи поставил подпись и приложил отпечаток пальца. Неожиданностью стало то, что Кон Майя, оказывается, тоже умела писать своё имя.

Сюй Байфу удивлённо взглянул на тихую, горемычную девчонку:

— Ты умеешь писать?

Кон Майя смущённо кивнула перед лицом старосты:

— Немного... Меня отец учил.

Услышав это, кто угодно сказал бы: жаль, до чего же жаль.

Сюй Байфу, разумеется, не стал сыпать соль на рану ребёнку — на лице его не дрогнул ни один мускул, он молча передал расписку Юй Шанчжи.

Юй Шанчжи тут же передал её Вэнь Ецаю, и когда тот аккуратно спрятал листок, выражение лица Кон Майя заметно расслабилось — словно ей дали в руки талисман.

Убедившись, что девочка наконец обрела хоть какую-то опору, все трое вместе вновь направились в дом Кон. Юй Шанчжи предстояло провести более детальный осмотр состояния Кон И, чтобы на его основе составить план лечения.

<http://bllate.org/book/13600/1205955>